

полностью определяется конкретными задачами, которые ставятся перед определенным методическим проектом.

Доктор,
проф. Гетеборгского
университета (Швеция).

ЛИТЕРАТУРА

- 1
Морковкин В. В.
Учебная лексикография как особая лингвометодическая дисциплина. — В кн.: Актуальные проблемы учебной лексикографии. М., 1977.
- 2
Смирницкий А. И.
Лексикология английского языка. — М., 1956.
- 3
Будагов Р. А.
История слов в истории общества. — М., 1971.
- 4
Головин Б. Н.
Введение в языкознание. — М., 1977.
- 5
Морковкин В. В.
К вопросу об адекватной семантизации слова. — В кн.: Памяти Виктора Владимировича Виноградова: Сборник статей. М., 1971.
- 6
Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.
Язык и культура. — М., 1976.
- 7
Кочнева Е. М., Луцкая Н. М., Морковкин В. В.
Системная организация и семантизация лексики при обучении русскому языку филологов. — В кн.: Теория и практика обучения русскому языку иностранных студентов-филологов (в печати).
- 8
Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. — В кн.: Труды по языкознанию. М., 1977.
- 9
Шерба Л. В.
Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- 10
Erdmann K.
Die Bedeutung des Wortes. — Leipzig, 1925.
- 11
Stern G.
Meaning and change of meaning. — Göteborg, 1931.
- 12
Ullmann S.
Words and their use. — N. Y., 1951.
- 13
Шмелев Д. Н.
Современный русский язык. Лексика. — М., 1977.
- 14
Вандриес Ж.
Язык. — М., 1937.
- 15
Ковтун Н. О., Морковкин В. В.
Отражение лексической системы в учебниках русского языка для иностранцев. — В кн.: Структура и содержание учебника русского языка для иностранцев (в печати).
- 16
Фразеологический словарь русского языка. /Под ред. А. И. Молоткова. — М., 1967.
- 17
Дерибас В. М.
Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. — М., 1975.
- 18
Ожегов С. И.
О структуре фразеологии. — В кн.: Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.

Г. Якобссон

К теоретическому обоснованию сопоставительного описания языков

Можно ли считать, что сопоставительное описание языков сегодня уже устарело?

Такой вопрос может показаться несколько странным, даже вызывающим, поскольку преподаватели русского языка ежедневно сталкиваются с проблемами взаимодействия русского языка с другими языками мира. И вслед за динамическим развитием роли русского языка как средства международного общения следовало бы ожидать, что и сопоставительное описание языков, по мере накопления нового материала и опыта, войдет в стадию все более активного развития.

Хотя поставленный вопрос сознательно заострен, он основывается на фактах. Общеизвестно, что несмотря на растущие усилия ученых в области сопоставительного описания языков в течение, скажем, последних 25 лет, мы все еще блуждаем во тьме и не имеем ни общепризнанной лингвистической теории, лежащей в основе этой области науки, ни соответствующего метода. Нет недостатка и в высказываниях лингвистов, считающих, что сопоставительное описание языков не оправдало возложенных на него больших надежд и что пора оставить этот путь и начать искать новые направления исследований.

Трудно отрицать, что в сопоставительном описании языков сейчас наблюдается известная растерянность (в основном в его теоретико-дедуктивной части), поскольку теоретические системы и модели, положенные в основу сопоставительного описания языков, не обнаружили при соприкосновении с действительным материалом достаточной широты и общезначимости для решения поставленных задач, например таких, как машинный перевод. Это, разумеется, повлекло за собой спад активности, а в ряде случаев и просто застой. Между тем полная картина состояния сопоставительного описания языков на сегодняшний день этим не исчерпывается. Взглянув на нее с другой стороны, мы, наоборот, заметим кипучую и часто даже экспансивную деятельность.

Напомним известный факт: сопоставительное описание языков родилось из практического опыта, в первую очередь контакта двух языков, прежде всего в педагогической ситуации изучения иностранного языка, который подвергается интерференции со стороны родного языка учащихся.

Феномен интерференции часто рассматривался не столько как следствие пересечения двух систем, сколько как нежелательные «ошибки»; но интерференция помогла заострить внимание на проблеме взаимоотношения контактирующих языков. Практическим результатом этого явились корректировочные правила — часто случайные по характеру и касающиеся отдельных явлений, а не сопоставления целых систем. Так, например, сравнивались отдельные звуки или интонационные конструкции двух языков, но не проявлялось достаточного интереса и не существовало теории в отношении всей фонетической системы — звуков и интонации. Другими словами, отсутствовали теория и метод эвальвации отношений между сопоставляемыми величинами. Поэтому «...все большее признание получает точка зрения о необходимости сопоставления не отдельных лингвистических фактов или единиц, (...) а частных (...) систем» [1, с. 144].

Хотя во многих случаях и были достигнуты хорошие педагогические результаты, они не в меньшей степени объяснялись опытом, собранным богатым материалом и интуитивным различением релевантных признаков.

Этот эмпирический тип сопоставительного описания языков основан на индуктивном методе. Он отличается — и будет отличаться — активностью, поскольку связан с постоянным обращением к новому материалу, новым языкам. Тем не менее он останется явно ограниченным до тех пор, пока не откроются новые горизонты в виде нового подхода к материалу, новой теории и соответствующего метода.

Внутри второй большой группы, которая

характеризуется более или менее разработанной теоретической установкой, появилось много попыток решить разнообразные проблемы сопоставительного характера на основе релевантной в данном случае теории. Здесь наблюдается пестрый спектр концепций от самых простых до самых сложных, например таких, которые касаются техники перевода и в особенности машинного перевода; и методов — от случайных до самых формализованных. Пестроту теорий и методов можно, конечно, воспринимать как свидетельство заблуждений и поисков, но в то же время и как свидетельство огромного множества проблем, характеризующих сопоставительное описание языков.

Не удивительно, что ученый, посвятивший себя сопоставительному описанию языков, может прийти в отчаяние от множества разнородных теорий и методов, даже совсем потерять желание заниматься этой областью лингвистики, как трудной и бесперспективной. Он может сказать себе: «Я поверю в сопоставительное описание языков лишь тогда, когда будет решена, например, проблема машинного перевода». Но такое отношение было бы слишком пессимистическим — и одновременно слишком легкомысленным.

Представьте себе, что специалист по этрусскому языку сказал бы: «Да пропади она пропадом, эта загадка этрусского языка — пока кто-нибудь не найдет Розеттского камня этрусскологии». Ошибочность такого отношения ученого к сложным проблемам доказать нетрудно. Нет, пристальное внимание к мелочам, усердный сбор материала, кропотливые наблюдения и одновременно с этим постоянное опробование и отбрасывание теорий и методов — вот что в большинстве случаев приводит к удачному решению научных проблем. И общеизвестно, что этрусскология за последние десятилетия добилась успехов отчасти благодаря недавно обнаруженным новым материалам, а отчасти благодаря новому подходу и новым принципам исследований, открывшим незамеченные ранее факты и отношения.

Положение ученого-специалиста по сопоставительному описанию языков, однако, намного лучше положения этруссколога: материал, которым располагает первый, практически неистощим. Чем больше языков сопоставляется друг с другом, тем больше возможностей они дают для обнаружения отношений и механизмов между инвариантными и вариантными величинами, для открытия новых теорий и методов, формализующих описание этих отношений.

В противовес пессимистической оценке сегодняшнего состояния в сопоставительном описании языков хочется привести высказывание Р. Ружички. Оно было сделано, правда,

девять лет тому назад, но сохранило свою актуальность и выражает саму идею сопоставительного описания языков: «Сопоставить, сравнить языки — это занятие необыкновенно привлекательное как для лингвистов, так и для дилетантов-любителей. Чем вызывается такой широкий и неистребимый интерес? Он вызывается, как мне кажется, тем, что в сопоставлениях языков может демонстрироваться вариативность лингвистического воплощения в различных языках общих когнитивных смыслов и коммуникативных функций. Идея общего, манифестируемого в многообразии, несомненно, является стержнем сопоставительных и сравнительных исследований» [2, с. 145].

Выше говорилось, что разнობой в теориях и методах сопоставительного описания языков может быть воспринят как признак некой растерянности ученых. Но вряд ли это может быть отнесено ко всем. Пестрота теорий может носить и положительный характер, свидетельствуя скорее о широте фронта и о разных уровнях, на которых ученые «атакуют» проблемы. Очевидно, что, когда массивная атака с помощью единой теоретической стратегии не приводит к результату, приходится рассредотачивать силы и искать разнообразные решения в соответствии с характером проблемы, надеясь, что «большой синтез» все же когда-нибудь будет достигнут.

Такое распределение сил не говорит о слабости или пассивности, а скорее о сознательном выборе тактики, направленной на достижение близких конкретных результатов: это позволяет избежать бесплодной погони за целями, которые на сегодняшнем уровне развития сопоставительного описания языков остаются утопией. Поэтому, оценивая различные теории и методы сопоставительного описания языков, следует принимать во внимание различные цели, избранные учеными.

Эти цели можно сгруппировать по их сложности и расположить на шкале между крайними точками. Например, группа целей от самых близких до самых перспективных, или группа целей от частичных до полных, или же группа целей, идущих от практических до обобщающе-теоретических установок. Но хотя крайние позиции в каждой группе могут быть представлены как противоположные, внутреннего противоречия между менее сложными и более сложными целями нет. Скорее они на разных уровнях войдут в состав одной и той же структуры.

При выборе теоретической основы и соответствующего метода сопоставительного описания языков необходимо прежде всего определить цели исследования, ибо мы, конеч-

но, не будем пользоваться более сложной теорией, чем этого требует выбранная цель, и наоборот. Итак, сопоставительное описание языков предполагает наличие некоторого равновесия между двумя факторами, которые мы условно назовем «теоретичность» и «нетеоретичность». Второй фактор можно также назвать «практичность», определяя «практичность» только как противоположность «теоретичности». Оба фактора соотносятся друг с другом по принципу сообщающихся сосудов. Это соотношение можно представить с помощью графической системы, горизонтальная ось которой обозначает «практичность», а вертикальная ось — «теоретичность».

При сопоставительном описании языков постоянно возникает ряд проблем принципиального характера. Должно ли описание быть прямым, т. е. два или несколько языков сопоставляются непосредственно, или, наоборот, через посредство общей для них платформы? Должно ли описание быть симметричным, т. е. ни один из языков не берется за исходный и оба имеют равный вес, или асимметричным, при котором внимание сосредоточено на одном языке — инварианте, а соответствующие явления другого языка считаются вариантами? Далее, должно ли описание быть частичным или полным? В первом случае нас интересует какое-то отдельное явление, языковой элемент, как, например, разница или отсутствие глагольных форм вида в одном языке и наличие этой категории в другом.

На эти вопросы не может быть дан категорический ответ, ибо такой ответ зависит от избранной цели описания. Здесь мы ограничимся кратким комментарием некоторых актуальных в связи с рассматриваемыми вопросами проблем.

Уместно еще раз напомнить известное положение, что предпосылкой сопоставительного описания языков является передача семантического содержания одного языка в другом, поскольку разные языки отражают один и тот же внеязыковой мир — или, выражаясь лингвистическими терминами, имеется универсальная семантическая система, метаязык, т. е. абстракция, которая может быть реализована только через естественные языки согласно их собственным законам. Поскольку эти законы или правила специфичны для каждой языковой системы, форма языковой информации будет также специфичной.

И в конечном счете именно отношения между лингвоспецифическими реализациями универсальной семантической системы должны стать объектом сопоставительного описания языков. На практике же сопоставительное описание языков в первую очередь уделяет

внимание различиям в реализации семантического кода отдельными языками.

Несомненно, что для законченного сопоставительного описания языков недостаточно прямого сравнения двух языков, поскольку они представляют собой несопоставимые системы. Их нужно как-то «перевести» одну в другую с помощью третьей, вспомогательной системы, некоего метаязыка. Эти теоретические основы давно известны лингвистам, предлагавшим различные связующие системы¹.

Однако, банальная истина состоит в том, что такого *tertium comparationis* («третьего сопоставительного») до сих пор не имеется просто потому, что система языка обладает такой сложностью, что ее невозможно уловить во всех деталях, а инструменты, которыми мы располагаем для описания, слишком ненадежны. Трудно найти более яркое выражение разочарования лингвистов в этом отношении, чем слова, прозвучавшие в докладе К. Горалека на симпозиуме в Праге в 1973 г., посвященном «Проблемам и методам сопоставительного описания современных письменных языков, в особенности славянских»: «Научно обоснованное сопоставление возможно лишь при предпосылке, что у сопоставляемых языков есть общий семантический план референции (денотации, экстенции) и что возможна при переводе также и координация в плане коннотации (интенции). В современном языкознании до сих пор не разработана рационально и эмпирически обоснованная семантика, на которую могло бы опереться лингвистическое сопоставление» [4, с. 54—55].

Переводчики с давних пор осознавали проблему несоизмеримости двух языков. Практический опыт и интуиция подсказывали недостаточность дословного перевода из одной системы в другую. Вместо этого переводчик разбивает на составные части материал языка-источника и перестраивает его заново в соответствии с системой языка-цели. Операция перевода состоит, таким образом, из двух этапов. Переводя, переводчик усваивает некоторые механические правила, но сама теория отношений, существующих между обеими системами, остается для него неясной.

Особую форму *tertium comparationis* используют датские ученые-конфронтативисты, в первую очередь М. Дюр и вслед за ним Н. Бьервиг. *Tertium comparationis* у них выступает в виде общего множества двух или более языков. Работа Бьервига интересна как сопоставление глагольного времени в русском и датском языках на основе глоссематической теории, «рассматривающей грамматические

категории как составляющие определенную семантическую структуру» [5, с. 49], а также на основе дальнейшего развития этой теории датчанами Е. Хольтом и Х. К. Сёренсенем с учетом теории пражской школы (Р. Якобсон) [5, с. 49—50].

Хотя выбранная Бьервигом база для сопоставления и лежащая в основе его работы теория вносят новый вклад в сопоставительное описание языков, их диапазон ограничен, о чем говорит подзаголовок его статьи «К вопросу о контрастивном анализе».

Другой интересный вклад в сопоставительное описание языков также принадлежит датскому слависту Е. Сков-Ларсену. Его статья называется «Установление систем формализованных правил перевода: основной компонент анализа переводов и контрастивного анализа языков». В ней он пытается найти общий принцип формализации отношений между двумя языками, в данном случае русским и датским, на основе одного лингвистического элемента (русского действительного причастия настоящего времени) и его эквивалентов в датском языке [6]. Но предлагаемые в этой работе формализованные правила перевода одного языкового элемента настолько громоздки, что общее описание отношений двух сопоставляемых языков потребует применения вычислительных машин.

Здесь уместно упомянуть о том, что многие теории сопоставительного описания языков страдают одним недостатком, а именно: они находятся на чрезвычайно абстрактном уровне и приводят к таким сложным и громоздким описаниям, что исследуемая языковая реальность теряется за ними.

Другие лингвисты предлагают положить в основу сопоставительного описания языков модель дескриптивной грамматики, построенной по принципам структурной лингвистики, где особое внимание следует уделить взаимоотношениям между планом содержания и планом выражения, поскольку языковая структура выявляется путем анализа этих отношений [7, с. 64].

На III Международном конгрессе МАПРЯЛ в Варшаве (1976 г.) подчеркивалось, что, «поскольку ближайшим предметом исследования должна быть перформанция, следует выработать текстуальную грамматику. Особое внимание надо уделять тексту как языковой величине и вытекающим отсюда текстуальным проблемам» [8, с. 9—10].

В Швеции заканчивается работа, посвященная сопоставлению аспектуальных взаимоотношений шведского текста и его русских переводов, а именно выяснению того, какие факторы шведского текста требуют использования в переводах русских видовых форм. Эти

¹ Например, Э. Тополинска кладет в основу сопоставительного описания языков наличие общего для всех естественных языков семантического кода, см. [3].

факторы определяются контекстом, как узким, так и широким, и могут быть описаны в виде компонентов текстуальной грамматики. Трудность заключается прежде всего в том, чтобы определить релевантный контекст. Однако контекстуальный анализ заслуживает пристального интереса и представляется многообещающим направлением.

Не требуется, видимо, особо указывать на то, что анализ контекста необходим и при сопоставлении актуального членения предложения двух или более языков и его формального выражения: с одной стороны, варианты порядка слов в языках с подвижным порядком слов, как, например, русский язык; с другой стороны, различные типы предложений (страдательные конструкции, так называемые *cleft sentences*, и предложения с формальным подлежащим) или же категория определенности / неопределенности в языках с более связанным порядком слов, как, например, в некоторых европейских языках.

В этой связи следует упомянуть и другие языковые манифестации. Сопоставительное описание языков до сих пор ограничивалось письменным языком как более удобной формой наблюдения и кодификации. Конечно, отдельные звуки и интонация изучаемых языков подвергались сопоставительному описанию, но разговорный язык в целом пока еще не привлек к себе со стороны исследователей должного внимания.

В перформанцию разговорного языка входит множество элементов не только звукового плана, но и психологического характера, о существовании и структуре которых мы пока не имеем достаточного представления. Здесь открывается широкое поле деятельности для сопоставительного описания языков — ни методы, ни теоретические основы тут пока не разработаны. Однако растущий интерес к устным манифестациям различных языков и имеющиеся опубликованные работы являются началом такого сопоставительного описания языков.

Некоторые ученые считают, что сопоставительная грамматика должна строиться на основе трансформационно-генеративной теории, ибо именно такая грамматика претендует на полное описание — как на это уже 10 лет тому назад указывал Р. Ружичка. К той же теоретической базе подошли, как известно, одновременно Кёниг и Никель, основываясь на прагматических соображениях и исходя из Филлмора [8, с. 6]. Интересно отметить, что познаньский проект польско-английской сопоставительной грамматики взял за основу также трансформационно-генеративную

грамматику, как об этом свидетельствует труд ее авторов [9].

Э. Косериу был, как известно, противоположного мнения, считая, что трансформационная грамматика менее всего подходит в качестве базы для сравнения, ибо она не допускает перехода от речевых значений к единым лингвистическим функциям [8, с. 6]. Ранее упомянутый конфронтативист М. Дюр в недавно опубликованной работе присоединяется к Косериу, взяв за основу его метаязыковое разделение на систему, норму и речь [10].

Хотя лингвистам до сих пор не удалось выработать общую теорию и соответствующий метод сопоставительного описания языков, это не означает, что надо отказаться от такой цели. При этом предпочтение всегда будет отдано теории, исходящей из надязыкового семантического кода. Это означает поиск, инвентаризацию и описание языковых универсалий. Поэтому будущие исследования желательно направить на выявление семантических универсалий.

Это направление исследований является довольно отдаленной целью, о путях реализации которой пока трудно сказать что-либо определенное. Научную работу, посвященную более близким целям сопоставительного описания языков, следует направить на исследование частных проблем, а именно продолжающееся сопоставление частных систем разных языков друг с другом особенно в их функциях в контексте (в широком смысле этого слова, подразумеваемом и письменный и устный контекст). Теоретические обоснования этих сопоставлений могут иметь различный характер и глубину, так же как соответствующие методы. На этой стадии ученый, по-видимому, должен примириться с известной долей эклектики.

Одной из ближайших задач могла бы стать разработка более однородной терминологии и определение понятий сопоставительного описания языков — вследствие внушительного количества работ в этой области появилось большое число параллельных терминов, которые часто приходится переводить.

В виде ответа на наш провоцирующий и пессимистический вопрос в начале статьи мы можем сказать, что сопоставительное описание языков ни в коем случае не является пройденным этапом, что следует направить все усилия на решение отдельных проблем, не бояться смелых решений; но надо и быть готовым к пересмотру теорий и методов, не выдержавших столкновения с действительностью, поскольку известные и апробированные принципы исследования иногда оказываются неприменимыми на практике [11, с. 7].

Подводя итоги сказанному, хочется в заключение обратить внимание на следующее:

полное, симметричное и ненаправленное сопоставительное описание языков, опирающееся на единую общую теорию и выполненное с помощью соответствующего метода, пока находится за пределами наших сегодняшних возможностей, поскольку еще не сделана предварительная работа — инвентаризация и описание лингвистических единиц и их эквивалентов инвариантов и вариантов) в сопоставляемых языках. Эта работа такого огромного объема и сложности, что она требует различных теоретических подходов и методов, соответствующих характеру избранных отдельных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

- 1
Станишева Д.
Проблема изучения синтаксических систем в сопоставительных исследованиях славянских языков. — Славянская филология. XV, Езикознание. София, 1978.
- 2
Ружичка Р.
Соображения о теоретическом и методологическом обосновании сопоставительной грамматики. — Československá rusistika, XIX, 1974, № 4.
- 3
Topoliňska Z.
System pośrednik w badaniach kontrastywnych. — Slavica Slovaca, 9, 1974, č. 3.
- 4
Horálek K.
Obecné lingvistické předpoklady konfrontace. — Československá rusistika, XIX, 1974, № 2.
- 5
Bjervig N.
Tempus i dansk og russisk, Et bidrag til en kontrastiv analyse. — Svantevit 11:2, 1977.
- 6
Skov-Larsen J.
Opstilling af formaliserede oversættelsesregelsystemer: en grundkomponent i oversættelsesanalyse og kontrastiv sproganalyse 1—2. — Svantevit 11:1, 1976, 11:2, 1976.
- 7
Leška O., Křížková H.
Hledání optimálního modelu lingvistického popisu. — Československá rusistika, XIX, 1974, № 2.
- 8
Якобссон Г.
Проблемы, связанные с описанием русского языка в сопоставлении с шведским (Проект контрастивной русско-шведской грамматики) [Доклад, прочитанный на III Международном конгрессе МАПРЯЛ в Варшаве (1976 г.) и напечатанный в несколько сокращенном виде]. — В кн.: Третий Международный конгресс русистов (Варшава, 1976), Международная Ассоциация преподавателей русского языка и литературы. М., 1979.
- 9
Fisiak J., Grzegorek M., Zabrocki T.
An Introductory Polish-English Contrastive Grammar. — Warszawa, 1977.
- 10
Dyhr M.
Die Satzspaltung im Dänischen und Deutschen. Eine kontrastive Analyse. — Gunter Narr Verlag, 1978.
- 11
Широкова А. Г.
Теоретические предпосылки сопоставительного изучения грамматического строя славянских языков. — Вестник Московского университета. Филология. 1978, № 6.

Материалы и сообщения

А. Шарф

Докт. пед. наук, проф.,
проректор по
общественным
наукам, зав.
кафедрой ву-
зовской мето-
дики препода-
вания русского
языка Лейпциг-
ской высшей
педагогической
школы им. Кла-
ры Цеткин.
(ГДР)

Виды речевой деятельности, их место и роль в системе практических занятий

Коммуникативная направленность, как известно, является сейчас ведущим принципом обучения русскому языку в школе. Отсюда следует, что практическое овладение языком должно занять особое место в подготовке будущих учителей русского языка.

Коммуникативная функция языка реализуется в конкретных видах речевой деятельности. Следовательно, практическое овладение языком предполагает прежде всего формирование навыков и умений в этих видах речевой деятельности, усвоение их языковых компонентов. В учебной программе практического курса различаются основные и второстепенные виды речевой деятельности: к основным относятся аудирование, говорение, чтение, письмо, а к второстепенным — выразительное чтение, перевод с родного языка на русский и обратно.

В школьном образовании основные виды речевой деятельности выступают в качестве